



Пролог

*И мойры день за днем
мотают нити судеб...*

Астрон и Мериса осторожно ступали по каменной поверхности. Девушка вцепилась в руку брата, боясь соскользнуть в узкое ущелье, где, как гласили легенды, спал Интстрох — дух первого бога, которого свергли с Олимпа, используя его кровь для возрождения новых, более сильных, потомков. Однако по сей день чудовищам и людям рассказывали лживую версию событий, в которые они охотно верили. Потомки Интстроха, напитавшись силой и могуществом духа, не знали жалости, сострадания и уничтожили его, как воспоминание о некогда счастливых годах процветания Олимпа. Боги, властвующие среди смертных и себе подобных, желали только одного — править единолично, сея вокруг себя хаос и разрушения, чтобы заставить страдать каждого, кто усомнится в их власти.

Мериса споткнулась, нога съехала вниз, но Астрон успел подхватить сестру за талию и удержать.

— Ступай осторожно, осталось немного.

Сбивчивые слова отражались эхом в пещере.

Девушка в ответ кивнула, сильнее вцепившись в ладонь мужчины и делая каждый шаг с опаской и осторожностью. Зажженные факелы располагались равноудаленно друг от друга на стенах, а языки пламени плясали на неровных выступах, как бы вопрошая о причине неожиданного прихода гостей. И лишь двое знали, ради чего проделали столь долгий и опасный путь. Извилистые выступы наконец-то уступили место ровной каменной плите, сужающейся и ведущей вглубь пещеры.

Мериса отпустила руку Астрона и сделала пару шагов, встав в нескольких метрах от брата и вдыхая запах копоти, лаванды и шафрана.

— Прошу тебя, явись моему взору...

Властный голос Астрона тихим шепотом заполнил пещеру. Сестра настороженно посмотрела на брата, но он лишь вскинул голову, призывая ее обернуться. Мериса проследила за его взглядом и замерла, увидев вдали едва различимое свечение и услышав приглушенное бормотание.

— Мы на месте, сестра. Мы нашли их.

Три старухи сидели на каменном полу, их седые волосы водопадом струились на плечи, прикрывая лица. Две из них бережно держали нити судьбы, пропуская между пальцев и вплетая в них свою магию, третья же умело ткала узор жизни. Длинные платья белого цвета открывали взору лишь ссохшиеся руки и морщинистые лица. Черты старух искажались с каждым неловким шагом путников: то молодость украшала их лик, то обтянутый кожей череп показывался сквозь толщу магии. Приблизившись, Астрон увидел, как ярко светятся глаза старух: оттенок менялся от белесого до янтарного — рождение и смерть, увидеть которые могут лишь они. Мойры.

Ла́хесис — сама Судьба, которая кидает жребий и следит за исполнением результата, отвечает за прошлое.

Клѳото — мойра, непосредственно работающая над прядением нити судьбы, которой подвластно видеть то, что происходило в настоящем.

А́тропос — Неотвратимая, перерезает нить, в должный срок обрывая жизнь смертного, магия которой тесно связана с будущим.

Нити судьбы, обретающие в руках мойр форму и особое свечение, шипели и извивались, когда старухи пропитывали их своей магией. Они тихо произносили слова заклинания на древнем языке, которого не знал ни один бог на Олимпе, — языке Интстроха, что даровал жизнь его потомкам-предателям.

Астрон, спохватившись, шикнул на Мерису, и та, чуть приоткрыв рот от удивления, подошла к брату. Мужчина прокашлялся, но мойры не обратили на него внимания, пока не закончили плести очередную нить судьбы. Заискрившись, та растворилась в темноте, и на ее месте появилась другая, куда короче и тоньше.

Первая заговорила Ла́хесис, видящая прошлое.

— Боги, населяющие Олимп, начали кровопролитие. Власть вскружила им голову и заставила истреблять, впитывать души братьев и сестер. Но предатели не учли одного: убивая подобных, они обрушили гнев Смерти на самих себя. Она придет за каждым, в чьих сердцах черным бутоном разрастается злость и зависть, ненависть и порочность, и избранные обязаны будут откликнуться на могильный зов и последовать за ней. Ни один грех дева не пропустит — Смерть покарает каждого.

Замолчав, Ла́хесис вновь устремила взор на нить, которую начала искусно пропускать меж старческих паль-

цев. Кло́то, осторожно положив свою часть тонкой свещейся ленты на колени, начала поглаживать только что образовавшуюся душу, прикрыв глаза.

— Вы боитесь, что Смерть придет, хотя вы стали одними из тех немногих смельчаков, что хотели предотвратить войну, которую невозможно было избежать. Интстрох пробуждается, я чувствую, как сбрасывает оковы сна его душа. Дух жаждет отомстить своим детям, что свергли прародителя с Олимпа, напившись древней кровью. Но Интстрох пойдет по другому пути — он воссоздаст того, кто принесет спокойствие на континенты, уравновесит Жизнь и Смерть, которые являются лишь слабыми отголосками его сущности. Две сестры будут править в раю и аду, а третья станет повелевать на земле.

Вторая мойра замолчала. Атропос подняла взгляд янтарных глаз к каменному своду, и ее губы дрогнули в улыбке, от которой по коже путников прошел озноб.

— Вы не сможете остановить начавшуюся войну. Но судьба благоволит вам, предоставив выбор: можете умереть, сражаясь в бессмысленной бойне, а можете погибнуть в объятиях возлюбленных. Каждый из вас обретет счастье, родятся дети, которые смогут возродить эпоху драконов и помочь свергнуть богов, чья власть перешла границы и стала роковой ошибкой. Но для каждого счастливого конца нужна жертва.

— Жизнь, — тихо сказала Мериса, на что получила благосклонные кивки мойр.

Тишина повисла между богами, братом и сестрой, заключая в свои объятия, лишая возможности сделать полноценный вздох. Мойры, казалось, совсем забыли про их существование, лишь пряли нити судьбы, которые растворялись в воздухе, словно туман. Каждое мгновение появлялись новые.

Мериса и Астрон переглянулись и синхронно взяли за руки.

Они решились на отчаянный шаг.

— Вы сказали, что у каждого из нас родятся дети. Что нам сделать, чтобы спасти их от ужаса войны?

Гулкое многоголосье прокатилось по пещере, сплетая предсказание.

— Дева, рожденная от дриады и дракона, возродит магию матери. Мужчина — плоть и кровь богини и могущественного огненного существа — принесет на землю магию обоих родителей — ему будут подвластны огонь и исцеление. Дитя вынужден будет уничтожать, чтобы возродить то, что умерло. Его магия спасет погибшие души, отправляя их по ту сторону Забвения. Чтобы заключить сделку, которая спасет полубогов, отцу надо даровать магию, чтобы дева стала сосудом, впитавшим в себя пламя и землю.

— Но... если моя суженая дриада, — Астрон мотнул головой, пытаясь сложить мозаику воедино, — то не уничтожит ли моя магия ее сущность? Огонь и земля не могут слиться воедино.

Атропос вскинула на путника глаза, прикрытые седыми волосами, и шикнула, словно змея.

— Ваши дети связаны по судьбе. Тебе, бог огня, нужно отдать часть своих сил нерожденной дочери, которая сама найдет сына твоей сестры. Родные по магии, отличные по крови. Через наши старческие руки проходят все нити судьбы, но такой яркой связи еще не было. Ваши дети возродят драконов, которых сейчас используют в войне как мясо.

Мериса сжала руку брата в знак поддержки. Астрон и без слов мойр знал, что его народ истребляют, используют для борьбы на Олимпе. Каждый бог желает иметь такого могущественного союзника. На земле драконов

уничтожали, считая отступниками, — усыпляли, отравляли, вырывали сердца, делая эликсиры молодости. Из шкур шили кольчуги и обтягивали ими щиты, поскольку магия ящеров не истощалась даже после смерти. Драконов осталось около дюжины, и, пока Астрон стоял с сестрой в пещере, где обитали мойры, их могло стать еще меньше.

— Что нам надо сделать, чтобы остановить войну? Одна из мойр хмыкнула.

— Глупцы... вы не в силах остановить войну, но в ваших силах возродить тех, кто положит начало концу. Их история станет точкой отчета в становлении равновесия на земле, небесах и водах. Священный огонь, Жизнь и Смерть — истинные правители всего живого и мертвого. Их сила будет способна уничтожить проклятые души и возродить спокойствие, которого так желал Интстрох. Сила богов не нуждается в проведении ритуала, вам стоит лишь скрепить вашу сделку кровью и произнести слова, что запустят колесо жизни для нерожденных детей.

— Мы сделаем это, — некогда тихий и робкий голос Мерисы обрел уверенность и сталь. Астрон улыбнулся, увидев решительность во взгляде сестры, которая не меньше брата хотела спокойствия. Или, возможно, она смирилась с тем, что боги и драконы теряют свою власть и убить их теперь намного легче — стоит лишь принять облик человека, когда магия наиболее уязвима.

Мойры поманили к себе богов, отложив слабо светящуюся нить. Лакесис что-то тихо зашептала и начала вырисовывать в воздухе два круга, откуда медленно, почти тягуче, начали опадать две нити судьбы. Одна — ярко-оранжевая, от жара которой жгло кожу. Вторая — лазурная, извивалась подобно лозе, но небольшие искры золотистого цвета окропляли ее. Магия дракона и дриады.

Нити судьбы детей богов.

Атропос и Лáхесис, взяв обеими руками концы нитей судьбы, натянули их, сделав похожими на тетиву лука. Клóто, встав с холодных отсыревших камней, обхватила их и сжала так крепко, что с ее ладони начала стекать кровь. Мериса и Астрон переглянулись. Оба чувствовали, как волнение и страх перед неизвестностью пожирают их, лишая остатков здравого смысла. Иначе как объяснить, почему они проделали долгий путь с Олимпа до пещеры мойр, скрытой от глаз глубоко под землей?

Клóто призвала Мерису и Астрона к себе и кивком указала, чтобы те повторили жест. Брат и сестра схватились за нити судьбы и почувствовали жжение магии огня: для мужчины это было приятное ощущение, для девушки — болезненное. Казалось, будто все трое держали острую леску, которая постепенно распарывала нежную кожу на ладони, окрашивая кровью пол пещеры.

— Когда кровь богов окропит нити судеб их детей, тогда и магия, таящаяся в их телах, найдет выход, соединяясь. Огонь подчинит землю, земля станет пристанищем для огня. Две стихии соединятся воедино, подпитывая друг друга собственной магией, над которой не будет властен ни один олимпиец. Полубоги, родившиеся на земле, обретут покой в объятиях друг друга и будут править, покуда Смерть и Жизнь не потребуют вернуть то, что по праву принадлежит им.

Внезапная вспышка ослепила путников. Мериса попыталась убрать руку от нити судьбы, но та, казалось, будто намертво соединилась с кожей богини. Девушка пыталась перехватить взгляд Астрона, но брат, не моргая, смотрел на Клóто, которая умело переплетала яркие тонкие ленты. Антропос и Лáхесис подавали концы сестре, с улыбкой на устах наблюдая за происходящим.

Больше уж нет на Олимпе покоя:
Распри богов разгораются сильно.
Брат против брата идет без разбора,
То, что грядет, от богов будет скрыто.
Вот уж и Клóто на Землю сошла.
Спят люди все, деревья и птицы.
Тихо две тени крадутся в ночи,
Астрон с Мерисой, скрыв свои лица,
В темной пещере плетут свои нити.
Сестры, три мойры, судьбы решая.
Все им подвластны — и боги, и люди,
Нити отрежут, смерть предрешая.
Клóто, прядущая, нить расправляет,
Лáхесис долю твою уже знает,
Атропос жизнь твою отнимает,
Смерти час тебе назначая.
Астрон с Мерисой, войдя, поклонились.
Мойры, увидев их, преобразились.
— Предназначенье свое знать вы хотите? —
Нить натянув, они усмехнулись.
— Что ж, расскажу, что судьба вам готовит. —
Клóто златую нить натянула.
Атропос сжала камень точильный,
Ножницы острые в дракона направив.
— Дочь ты родишь, Природы дитя,
Участью красного змея та станет.
Силу свою отдашь, без сомненья,
Или огонь во всем мире угаснет.
— Мериса, света и тьмы матерью станешь,
Кровь дракона сыну поможет
Любовь обрести, и от демона злого
Земли свои спасти он ведь сможет.
Но есть цена у детей ваших счастья:
Жизни свои на алтарь положите.

Так лишь от смерти и вечных страданий
Кровь свою вы освободите.
Хором пророчество мойры пропели,
Странников боле не замечая.
Вышли боги из пещеры,
Вместе рассвет алый встречая.



ГЛАВА 1

Мойронтос — мир, порожденный мойрами.

Когда не было ничего, кроме крошечной темноты, появился он — Интстрох — первый и самый могущественный дух бога. Никто не знал историю его возрождения. Со временем стали слагаться легенды, что Интстроха воссоздала Тьма, которая хотела найти себе верного друга и возлюбленного. Но лишь сам бог знал истинную историю собственного появления. Сотканный из пыли и мрака, чтобы вершить судьбы и управлять отступниками, Интстрох был одинок: ни детей, ни возлюбленной, с которыми он мог бы поделиться горем и радостью. И воссоздал бог из своей плоти — костей и ребер — потомков, наделив каждого силой и магией.

Зевс — бог неба, грома и молний, ведающий всем миром.

Аид — бог подземного царства, повелевающий мраком.

Посейдон — бог морей и океанов.

Чтобы порадовать детей своих, даровал им Интстрох Олимп, где правил Зевс, водные просторы, на территории которых повелевал Посейдон, подземное царство в недрах глубоких, в коих властвовал Аид. Мир, некогда сотканный из мрака и темноты, начал обретать материю и цвет.

Интстрох радовался успехам своих сыновей, что расширяли и облагораживали свои владения, но видел печаль в их глазах, поэтому создал он для них возлюбленных, прекрасных и могущественных.

Для Зевса — Геру, богиню брака и семьи.

Для Посейдона — Диопатру, офрийскую нимфу.

Аид же отказался от суженой, не объясняя причин. Интстрох наблюдал, выжидал, зная, что скоро возродится из Утробы богиня, что сделает сына счастливым.

Аид тем временем потакал желаниям Зевса и сам воссоздавал ему любовниц, которые так отчаянно удовлетворяли его, из собственной плоти, рождая на свет сыновей и дочерей. Гере ничего не оставалось, как принимать их, но со временем ее сердце огрубело, а сама она озлобилась настолько, что начала выслеживать любовниц мужа и убивать его детей. Но титанов становилось все больше.

И вот одной летней теплой ночью на свет родилось прекрасное дитя, чей крик приманил Аида, сердце которого наконец расцвело, и потребовал он ребенка забрать в свое царство, но Зевс категорически отказался.

Персефона — дитя Зевса и Деметры — стала погибелью Аида. Сердце бога разрывалось на части, если он не мог видеть возлюбленную хотя бы мгновение. И тогда бог решился на отчаянный шаг: когда девушке исполнилось шестнадцать лет, Аид выкрал ее из собственной постели и сделал правительницей подземного царства. Зевс, узнав о предательстве брата, объявил ему войну.